

Книги вразнос.

Что у нас переводят. И как

Экспресс-рецензии Даши Сиротинской

КЕЙТ ЭЛИЗАБЕТ РАССЕЛЛ *Моя темная Ванесса*. Перевод с английского Любоми Карцивадзе. — М.: Синдбад, 2021

“Новинка” уже немного залежалась с весны, но уж больно много шуму она наделала — и стало интересно, что же это за такая, как подквакивают друг другу аннотации, “Лолита поколения #metoo”. Мы еще с той Лолитой не разобрались толком, а тут нате вам, получайте еще одну! Ожидала я, конечно, чего-то вроде очередных “Оттенков серого”: почему-то на таких книгах сразу вспыхивает алая буква — мол, книжный секс для скучающих обывателей. Просчиталась по всем фронтам. Секс тут, конечно, дело десятое. Первое дело — героиня романа, почти не уступающая увлекательностью своего внутреннего мира героине “Стеклянного колпака”, с которым здесь явно ведется диалог, в том числе стилистический. Переводчице явно удалось это уловить, подстроиться — и мы с первой же страницы узнаем язвительный тон, непредсказуемую оптику топовой Эстер из романа Сильвии Плат. У героини Расселл похуже с чувством юмора, а стихи Плат она, кокетничая, называет “чересчур эгоцентричными” — и все-таки перед нами книги-сестры, книги-собеседницы, и

мне эта переключка очень понравилась. И вообще мне показалось, что хоть этот злосчастный роман и пытаются превратить в эдакий манифест, пытаются преподать его как нечто ультразлободневное — и сама Расселл, кстати, тоже, — все-таки тексту удается вырваться из этих силков и подняться много, много выше — почти до уровня универсальности. А оборвать нить по-настоящему и улететь куда глаза глядят ей чрезвычайно мешают “современные” главы, в которых тридцатидвухлетняя героиня, безвозвратно и трагически постаревшая нимфетка, осознает, “что на самом деле произошло с ней в пятнадцать лет”. В этих главах — все то, что самым прямолинейным и унылым образом вписывает роман в риторику #metoo: гневные посты в фейсбуке, психотерапевты с сочувственными взглядами, карикатурно отвратительные “партнеры на одну ночь”, перекачивающиеся по квартире пустые бутылки, ненавистная работа. Сокрушительные последствия страшного, до конца “не проработанного” прошлого. Может, оно все и правдоподобно, дело не в этом. Просто

Расселл чуть было не свела весь свой тонкий, вибрирующий мир к банальной истории болезни. Между тем, с психологической точки зрения, сама история отношений юной девушки и учителя средних лет прописана на удивление небанально и точно — особенно учитывая предварительную оговорку Расселл, что роман вовсе не автобиографический. Во всяком случае, происходящее “на женской половине” показано поистине виртуозно. Учитель-то как раз всю дорогу талдычит одно и то же: как он не хочет в тюрьму. К концу, когда диалоги начинают повторяться, а из тьмы интриги без конца выхо-

дят на свет новые и новые учительны “жертвы”, становится уже проще простого записать его в примитивные злодеи. И вот здесь уже с правдоподобием, на мой взгляд, явные проблемы. Конечно, формат короткой рецензии не предполагает ввязывания в одну из самых животрепещущих дискуссий современности и мне волей-неволей придется остудить кулаки, но все равно признаю, что вопросов у меня много. Например, каким именно образом связана мораль сей басни с возрастом действующих лиц, — мне непонятно, хоть убей. Буду почаще читать фейсбук и учить матчасть.

Новая литературная история Америки. Под редакцией Грейла Маркуса и Вернера Соллорса. Перевод с английского М. Давыдовой, Н. Заборина, Л. Кудинова, Е. Максимовой, В. Олейника, И. Поспехина, Т. Саранцевой, М. Табенкина, Н. Хреновой, И. Шахмуратовой. — М.: Весь Мир, 2021

У нас в этот раз не просто американская колонка, а прямо-таки новоанглийская. Пускай Кинг, о чем романе “Позже” мы поговорим в следующий раз, в этот раз немного забрал на запад и устроил себе подмости в Нью-Йорке — мы-то знаем, как ково его многолетнее пристрастие к штату Мэн. В Мэне же разворачивается скандальный мезальянс “Темной Ванессы”. Ну и как без упоминания Новой Англии заводить разговор об истории и в особенности о литературе США? Впрочем, на этом предсказуемость огромного тома под названием “Новая литературная история Америки” заканчивается. Всякого, кому взбрдет в голову пользоваться этой книгой как учебни-

ком, эдаким модернизированным пособием для юных американистов, ждут долгие часы сплошного недоумения. Например, желаю я, юный американист, почитать что-нибудь о Фолкнере. Открываю содержание. Первое, что становится ясно: от меня требуется способность недурственно ориентироваться в хронологии, потому что “новая литературная история Америки” делится не по понятным мне со студенческой скамьи литературным периодам и даже не по авторам — она делится буквально по годам. Охват — с 1507-го до 2008-го. При этом какие-то годы просто пропущены, например, я вижу две записи про 1838-й, одну про 1841-й, потом сразу идет 1846-й,

а за ним — 1850-й. Окей, как говорят американцы из анекдотов, идем дальше. Ищем 1929 год, когда вышли “Шум и ярость”. Его нет. Зато в 1928 году имеется таинственная запись: “8 апреля, Пасха. ‘Шум и ярость’”. Есть! Нашла! Открываю страницу 655. Вижу еще более сбивающий с толку эпиграф: “Дилси Гибсон идет в церковь и слушает проповедь преподобного Шегога о воскресении из мертвых”. Ну а если я еще не читала роман?! Откуда мне знать, кто такой этот Дилси? А может, это она?..

Или вот, например, 1850-й. Ищу про Мелвилла, уж про него-то я точно все знаю. Запись более или менее прозрачная: “1850, 5 августа. Натаниэль Готорн и Герман Мелвилл”. Открываю. Эпиграф: “Компания литераторов совершает восхождение на гору Монумент-маунтин”. Скрипнув влюбленной памятью, припоминаю: вроде как с этого-то пикника и началась дружба между Мелвиллом и Готорном. Начинаю читать: “...мы с женой, с нашими больными коленками, совершили эту экскурсию весной 2007 года. Если взять с собой трость для ходьбы и средство от комаров...” Или вот очередной пункт из оглавления: “18 апреля, 5.14 утра. Землетрясение в Сан-Франциско”. Догадываетесь, про кого это?

Я все это к чему. В основе книги лежит поистине замеча-

тельная идея: вместо того, чтобы представить литературный процесс как жизнь внутри аквариума, сложить из разрозненных фактов — культуры, экономики, политики и т. д. — мозаику взаимосвязей. Отсюда такая пестрота: комиксы, волшебник из Страны Оз, Сестра Керри, цветной барьер, Супермен, Пароходик Вилли — и все это буквально на одной странице, чуть ли не в один год. Все сплетено в безупречную паутину: ни единой нити не коснешься, не потревожив все остальные. Эта постмодернистская лихость порождает своего рода литературный квест, который по зубам, увы, главным образом тем, кто *уже* знает (и знает очень неплохо) литературную историю Америки — и просто ее историю. У такого человека, нет сомнения, появился шанс благодаря этой книге не просто узнать, а *пережить* все это по-настоящему. На мой взгляд, это поистине прорыв в мире академического письма. Это именно то, о чем мы, высоколбые филологи, все это время задумывались — но боялись взяться сами. Кстати говоря, в оригинале издание увидело свет аж в 2009 году. Машина времени изобретена уже двенадцать лет как, а с этого года и нам можно разжиться билетиком — благодаря переводчикам, между прочим.